

2. Франк, С.И. Легенда о Великом инквизиторе // О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие / сост., предисл., ил. Ю.И. Селиверстова; послесл. Г.Б. Пономаревой и В.Я. Курбатова. – М.: Мол. гвардия, 1992. – С. 243-250.
3. Бердяев, Н.А. Великий инквизитор // О Великом инквизиторе; Достоевский и последующие... – М.: Мол. гвардия, 1992. – С. 219-241.
4. Подробнее об утопическом замысле «свободной теократии» см. статью И.Ю. Куляскиной «Свободная теократия В. Соловьева как утопизм на религиозной основе» – «Вестник АмГУ» за 2009 г. – Вып. 44. – С. 3-8.
5. Лосский, И.О. История русской философии. – М.: Высш. шк., 1991. – 559 с.
6. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – 496 с.
7. Яковенко, Б.В. История русской философии / пер. с чеш.; общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. – М.: Республика, 2003. – 510 с.

УДК 299.512

М.А. Хаймурзина, Л.А. Мусенко

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИРОДЫ КОНФУЦИАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: XIX – НАЧАЛО XX вв.**

Статья посвящена толкованию религиозной природы конфуцианства в работах российских исследователей XIX – начала XX вв. Гуманитарии этого времени сравнивают конфуцианское наследие с христианским, ищут сходства и отличия, называя отсутствие тех или иных христианских атрибутов в конфуцианстве, с одной стороны, его «отрицательными сторонами», с другой, – его специфичностью. Ученые сопоставляют значение конфуцианского наследия для китайской культуры со значением христианства для западной, что позволяет им приравнять конфуцианство к мировым религиям.

Ключевые слова: санъцзяо, цзяо, конфуцианство, религиозность, Небо, мировые религии, христианство.

**INTERPRETATION OF THE RELIGIOUS CHARACTER OF CONFUCIANISM
IN RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHTS.
ARTICLE ONE: 19th – EARLY 20th CENTURE**

The article is devoted to the interpretation of the religious character of Confucianism in the works of Russian researchers of the 19th – early 20th century. Scientists of that time compare the Confucian heritage with the Christianity, looking for similarities and differences. They identify the lack of certain Christian attributes in Confucianism, on the one hand, as its «negative features», on the other, – as its specific character. They compare the significance of Confucian heritage for Chinese culture with the significance of Christianity for Western culture; it allows researchers to equate the Confucianism with world religions.

Key words: san jiao, jiao, Confucianism, religiosity, Heaven, world religions, Christianity.

Конфуцианское наследие определяет специфику и характер китайской цивилизации, что объясняет повышенный интерес к нему гуманитариев разных стран. Понимание религиозных оснований конфуцианства и выявление его сущностных особенностей как религиозной системы – важный ас-

пект исследования в российской гуманитарной мысли XIX – начала XX вв. Миссионеры, духовные лица, китаеведы сравнивают конфуцианство с христианством и другими мировыми религиями, стремясь выяснить соответствия, отличия и особенности.

Крупнейший представитель российского китаеведения **Н.Я. Бичурин** (1777-1853) в работе «Статистическое описание китайского государства» указывает, что в Китае под словом «религия» понимается «само вероучение, т.е. известный образ мыслей в отношении к богочитанию и нравственности». И, следовательно, все религии в Китае имеют одно название – *цзяо* («изложение обрядов и нравственного учения какой-либо религии»). Н.Я. Бичурин выделил три народные религии: «религию ученых», «религию даосов» и «религию фойстов» [4, с. 62].

Он определяет конфуцианство как «религию ученых» и отмечает, что идея Бога в этом учении, с одной стороны, лишена того трансцендентного смысла, который присущ христианству. В конфуцианстве нет разрыва между человеком и божеством. В отличие от христианства сущность «китайского Бога» «внутримировая», а не «внемировая». Китайский Бог «вочеловечен» не в одном, а в целой плеяде Мудрых, или Святых [4, с. 65]. В данном теоритическом послании отражается пантеистический подход к осмыслению религиозных явлений, когда Бог создал мир и присутствует в этом мире. Пантеистический характер конфуцианства как религии заключается в том, что человеческое бытие, связанное с мудростью и определенными принципами взаимоотношений, наделено священным значением. С другой стороны, китайский Бог (Небо) соизмерим с христианским Богом. Небу присущи свойства, близкие тем, которые христиане приписывают своему Богу. Вся деятельность Неба имеет закономерный и естественный характер. Именно эту закономерность и естественность Н.Я. Бичурин считает единым основанием «религии ученых» [4, с. 66].

По мнению синоведа, в конфуцианстве есть три предмета, достойных поклонения – *Шан-ди*, духи и люди, после смерти признанные Святыми. Все люди приходят в этот мир равными, но, согласно конфуцианству, «примесь в качествах телосложения, воспитание и частные хотения приглушают голос природы, и поэтому лишь некоторые люди оказываются в состоянии вполне постигнуть и определить образ действий, согласных с нравственным назначением человека» [4, с. 67]. Н.Я. Бичурин обращает внимание на то, что иногда Небо посылает для просвещения народов Святых, которые видят все, что человек должен делать в соответствии с моральным законом. Древние изложили некоторые своды правил, по которым человек должен выполнять обязанности, возложенные на него. Ученый считает, что истоком конфуцианства является поклонение верховному божеству *Шан-ди*, а также поклонение предкам [4, с. 64].

Ученый-синолог **В.П. Васильев** (1818-1900), участвовавший в русской духовной миссии в Пекине, в книге «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм» отмечает синкретический характер религиозного сознания китайцев – *саньцзяо*, когда очень сложно определить религиозную принадлежность китайца, а отправление тех или иных обрядов последним обусловлено ситуативностью и вариативностью. В этой связи он пишет: «Скорее всего можно сказать, что все жители Китая – конфуцианцы (слово используется в оригинале – *М.Х.*) [...] Конфуцианские идеи, изречения проникли во все слои, конфуцианские обычаи – при рождении, совершеннолети, свадьбе, похоронах. Тот факт, что конфуцианцы принимают и другие религии, говорит о том, что эта религия никого не обязывает. Хотя чиновники участвуют в жертвоприношениях и церемониях, которые, по-видимому, должны расцениваться как конфуцианские [...], однако это не значит, что эти чиновники в душе обязаны быть конфуцианцами» [5, с. 16].

Анализируя специфику религии в Китае, В.П. Васильев, в противовес христианству как «религии сердца», весь комплекс *саньцзяо*, и конфуцианство в том числе, называет «религиями фантастического умствования», считая конфуцианство религией, сильно отличающейся от западных и восточных. Отличительность ее как религии синолог видит не только в явном – в отсутствии духовных лиц как связи «сакрального» с народом, но и в деталях, обусловленных культурно-исторической

обстановкой, – культе древности, рациональной и нравственной установках. Профессор указывает, что конфуцианство держалось практической стороны, нравственности, вопросов гражданской жизни; на первых порах оно отказалось говорить о загробной жизни, о таинственных связях с духами. Однако конфуцианство не могло полностью освободиться от суеверий, поэтому допускало жертвы, но смотрело на них как на общепринятые обычаи и внесло в них идею о том, что надо приносить жертву всему, что приносит пользу человеку. Такая особенность конфуцианства, по мнению китаевода, делает возможным представить ее как «социально-политическое учение» [5].

В.П. Васильев указывает, что все мирское в конфуцианстве – семейные, общественные, государственные нормы, образ жизни, обычаи – не исключает религиозное. Например, траур расценивается не только как дань нормам семейных отношений, но и как «временное монашество» по причине чествования духа умершего. Профессор подчеркивает, что китайские церемонии, или китайские *ли*, не только нормы нравственности, образа жизни и государственного устройства, они приобретают значение религии, когда почитание родителей и старших, преданность престолу воспринимаются как «законы, полученные от Неба», а монарх, не принимающий коронования, считается «сыном Неба, получившим престол по воле Неба». Конфуцианство должно называться религией, считает В.П. Васильев, поскольку «с течением времени приобрело такую силу, что не допускает сомнения и принимает форму догмата, который можно только разьяснять, а не доказывать» [5].

Отметим также точку зрения известного китаевода **С.М. Георгиевского** (1851-1893), который в книге «Принципы жизни Китая» стремится прояснить дилемму своего времени о характере конфуцианского учения, с одной стороны, как «божественного откровения», а с другой, – как «нерелигиозного и ограниченного», «консервативного и пагубного». Анализируя развитие духовной жизни Китая, ученый приходит к выводу, что зарождение философии в Китае, появление новых идей и теорий, – например, отрицание бессмертия даосизмом – сыграло «отрицательную» роль по отношению к древним исконным верованиям в самостоятельное существование души после смерти и культу предков в целом. Он называет конфуцианство «философской», «этической», «жизненной» системой, но признает, что в обширной конфуцианской канонической литературе в полной мере отражены основные принципы не только семейных, общественных, государственных, но и религиозных отношений.

С.М. Георгиевский основным достоинством Конфуция считает его ориентацию на древние принципы жизни, которые были общеизвестны народу, и это, по мнению ученого, обусловило жизненную силу и энергию конфуцианского учения на будущие тысячелетия. «Конфуций в старые формы старался незаметно влить новое содержание». С другой стороны, С.М. Георгиевский характеризует Конфуция не только как «охранителя и толкователя древности», но «как бы посланника Неба», «как бы исполнителя небесной воли». Отрицательную сторону конфуцианского учения – отсутствие религиозного содержания, подобно христианскому, – исследователь объясняет следующим образом: «Конфуций не доискивался причин трансцендентальных истин, не объяснял того, что ограниченным человеческим разумом объяснено быть не может [...]. Для него продолжение жизни после гроба в качестве духа, требующего жертв, являлось предметом субъективной веры, не требующей доказательств как невозможных, ни отрицания как вредного [...]. Посмертное бытие души есть не предмет знания, а веры». Конфуций, по мнению китаевода, ни утверждал и ни отрицал существования души после смерти, а «бытие человека» и «чествование умерших» воспринимал как «готовый факт, не требующий высшего, трансцендентального объяснения». Он ратовал за соблюдение обрядов – свадебных, похоронных, религиозных, общественных, государственных, но был против ложных учений. Конфуций вывел идеальную формулу жизни – «удовлетворение субъективному в согласии с требованиями объективного», определившую мощнейшее влияние конфуцианства на различные стороны жизни Китая [6].

И.Я. Коростовец (1862-1933) – российский дипломат, в 1890-1894 гг. – второй секретарь миссии в Пекине, автор книг и статей о Китае. В книге «Китайцы и их цивилизация» он, с одной стороны, называет конфуцианство «учением», «системой морали и философии», а Конфуция «реформатором», «моралистом», «философом», с другой стороны, представляет конфуцианство как «одно из трех популярных религий» Китая, а Конфуция – как «святого» и как «проповедника», подчеркивая, что все теории и доктрины мудреца воспринимались как «высшее откровение». И.Я. Коростовец обращает внимание на особое почитание Конфуция в Китае. В честь духа Конфуция приносили жертвоприношения и читали молитвы, а также воздвигали кумирни. Такое почитание Конфуция можно сравнить с почитанием Святых в христианской религии. Но, несмотря на канонизацию Конфуция как одного из Святых, в истории личность его демонстрируется без ореола легендарности, окружающего обыкновенно основателей религий.

Исследователь считает, что основной заслугой Конфуция является его политическая установка на «небесное происхождение верховной власти, ее неприкосновенность, неизменность, недостижимость» и моральность, «которая способствовала поддержанию в обществе здоровых нравственных принципов» [7, с. 468-492]. Конфуций, указывает И.Я. Коростовец, закрепил древнейшие религиозные культы: почитание предков, боготворение Неба, Земли, солнца, луны, стихийных сил и явлений природы, в которых, по мнению исследователя, прослеживается шаманская природа верований. «К основному элементу религиозного культа – шаманству, систематизированному конфуцианством, примешаны воззрения, теории и объекты поклонения буддизма и даосизма. Провести резкую грань между тем, что принадлежит к государственному культу, и тем, что относится к другим доктринам, – не представляется возможным» [7, с. 468].

В своей книге автор представляет подробное описание императорских и государственных культов, жертвоприношений, где император – «молитвенник всего вверенного ему народа» – выступает как «первосвященник», или «верховный жрец», а причина отсутствия духовной иерархии объясняется «монополизацией императором государственных культов». Ученый неоднократно подчеркивает, что Конфуций верит в «фантастический пантеон божеств», верит и уважает духов, но «не пытается определить их природы и свойств», он «санкционирует боготворение духов предков», воспринимает культ предков целиком и делает его «основным догматом своего учения».

И.Я. Коростовец описывает так называемые «отрицательные стороны конфуцианства», т.е. признаки, отличающие конфуцианство от христианства. «В почитании Неба и Земли отсутствует понятие Бога как о существе нематериальном и непостижимом [...]. Конфуцианство не признало единого божества и тем самым санкционировало политеизм [...]. Конфуцианство не указало на различия между душой и телом [...]. Конфуцианство поверхностно отнеслось к понятиям «зло и грех» и не назначило воздаяния за добрые дела [...]. В конфуцианстве нет упоминания о рае и аде [...]. Конфуцианство не объяснило смерти, тайны загробной жизни [...]». Такое отсутствие «метафизического, сверхъестественного, загадочного и непостижимого» автор объясняет следующим образом: «Бессознательность и безотчетность веры в мир духов и страх перед непостижимым не позволяли Конфуцию глубже вникать в трансцендентальные истины и решать отвлеченные вопросы причин человеческого бытия: он не пытался объяснить явление смерти, а о загробной жизни выразился довольно уклончиво [...]. В метафизическом плане Конфуций не расширил умственного кругозора соотечественников, потому сам являлся передатчиком древности» [7, с. 450-493].

Величайший специалист по синологии **В.М. Алексеев** (1881-1951) приходит к выводу, что сама по себе религия китайцев не несет никаких особых отличий от религии человечества. «Что есть религия Китая? – Вряд ли она отличается от религий человечества по своему существу. Это та же боязнь грозной силы природы и темной силы воображения, наваждений, напастей, скорбей, зол и всякого лиха, ищущая возможности от них заслониться» [3, с. 161]. Ученый сравнивает конфуцианское

литературное наследие с мировым, в том числе христианским, полагая, что по внутреннему содержанию текстов конфуцианские каноны не соотносятся с тем религиозным сокровищем, что есть в Библии, но по значению и смыслу – они соизмеримы с последней. «Хотя конфуцианская литература и не является литературой религиозной в мистическом смысле, однако общий стиль ее именно таков... Та же склонность к архаическому языку, единственно пригодному для религиозных реминисценций, служащих основой всякого религиозного чувства» [1, с. 97].

Великий знаток конфуцианских литературных памятников, чье научное наследие определило развитие отечественной синологии XX в., отмечает в *Шиньзине*, памятнике классической древней поэзии, наличие ритуальных песнопений, торжественных гимнов обожествленному царю, распеваемых в храме предков и т.д. А «книга о народе и его правителе» (трактат *Мэн-цзы*) воспринимается академиком как «кодекс конфуцианской религии» (особенно в системе нравственного учения), сформированный в результате борьбы конфуцианской интеллигенции того времени со своими идеологическими конкурентами [1, с. 44, 78-80].

Подчеркивая конфуцианский рационализм и догматизм, В.М. Алексеев, с другой стороны, отмечает религиозную значимость конфуцианских памятников о ритуале Древнего Китая – *Лицзи* и *Чжоули*. Ссылаясь на их внутреннее содержание, которое может почерпнуть читатель при прочтении перевода выборок о классическом ритуале – *ли*, или так называемых «китайских церемониях», он пишет: «читатель увидит, как религия божественная, призывающая к страху божью, сочетается с религией божественного человека и, наконец, человека просто как личности, требующей к себе, по крайней мере, внешнего уважения – этой минимальной дани общественного сознания культурного народа, который не допускает анархических порывов там, где веками сплетена сложная сеть социально-правовых отношений. И так тесно соединяется здесь религия божественная с религией общественной, что европейцу все это поневоле кажется преувеличенным, а при серьезности исполнения обрядов сложной вежливости – даже карикатурным» [1, с. 80].

Сравнивая древнее конфуцианство с неоконфуцианством, В.М. Алексеев подчеркивает повышенный интерес последней к вопросам метафизики, космологии, теории познания. Когда сунские философы успешно синтезируют буддийско-даосскую мистику с конфуцианским рационализмом, появляются идеи о мировом принципе, «сверхъестественных силах», «сверхчеловеке», «сверхмудром человеке». По мнению академика, такое «усложненное конфуцианское понимание мира придает ему религиозно-философскую округлость» [1, с. 44-53, 81].

Конфуцианство – иная, отличная от христианского стандарта, форма религиозной традиции. На протяжении всей китайской истории конфуцианство проповедует общечеловеческие ценности, провозглашает культ предков и нравственное совершенствование человека. Эти и другие принципы определяют специфичность конфуцианства как религии.

Российские гуманитарии XIX – начала XX вв. отмечают отличия конфуцианства, которые проявляются в его особенностях: например, приоритет нравственности и практической стороны. Кроме того, они констатируют отсутствие в конфуцианстве привычной, соответствующей христианским критериям, веры в божество, представлений о рае и аде, церковной организации, духовных лицах и других признаков, присущих мировым религиям. В центре конфуцианской религии – человек, а совершенномудрые, духи предков и Небо имеют сакральное значение. Важно, что Небо рассматривается как «вочеловеченное», т.е. присущее (имманентное) миру людей. По значимости и степени влияния на образ жизни и сознание китайцев конфуцианство приравнивается к мировым религиям.

2. Алексеев, В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. – Кн. 2 / сост. М.В. Баньковская; отв.ред. Б.Л. Рифтин. – М.: Вост. лит., 2003. – 511 с.
3. Алексеев, В.М. В старом Китае. Дневники путешествий. – М.: Изд-во вост. литературы, 1958. – 312 с.
4. Бичурин, Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти листах: В 2 ч. – СПб.: Тип. Э. Прада, 1842. – 268 с.
5. Васильев, В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. – СПб.: типография В.С. Балашева, 1873. – 183 с.
6. Георгиевский, С.М. Принципы жизни Китая. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1888. – 532 с.
7. Коростовец, И.Я. Китайцы и их цивилизация. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896. – 639 с.

УДК 299.512

М.А. Хаймурзина, Л.А. Мусенко

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИРОДЫ КОНФУЦИАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX – НАЧАЛО XXI вв.**

Статья посвящена толкованию религиозных основ конфуцианства в работах российских исследователей последних десятилетий XX – начала XXI вв. Конфуцианство по своему значению и влиянию сопоставляется с мировыми религиями, признается религиозный характер конфуцианского ритуала и ряда конфуцианских принципов. Формируется четкая тенденция интерпретации конфуцианства в качестве религиозной системы с оценкой религиозных элементов конфуцианского учения.

Ключевые слова: конфуцианство, конфуцианская религия, ритуал, сакральность.

**INTERPRETATION OF THE RELIGIOUS CHARACTER OF CONFUCIANISM
IN RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHTS.
ARTICLE TWO: THE LAST DECADES OF THE 20th – EARLY 21ST CENTURIES**

This article is devoted to the interpretation of the religious foundations of Confucianism in the works of Russian researchers of the last decades of the 20th – early 21st centuries. According to its significance and influence, Confucianism is compared with world religions, the religious character of Confucian ritual and a number of Confucian principles are recognized. There is a clear trend of interpretation of Confucianism as a religious system and qualitative assessment of religious elements of Confucian teaching.

Key words: Confucianism, Confucian religion, ritual, sacrality.

На современном этапе развития международного сообщества религиозные традиции признаны как необходимые и важные в контексте понимания прошлого и будущего стран и народов. Конфуцианство сохраняет особую связь с китайской культурой, историей и традициями. Конфуцианское наследие в целом и его религиозная сторона в частности остается важным аспектом исследования российской гуманитарной мысли.